

ЛИНГВИСТИКА

Аннай Э. К.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЛЕКСЕМЫ МОНГОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются тувинские слова монгольского происхождения качественно-оценочной семантики (экспрессивные лексемы) – 72 единицы. По способу словообразования они распределены на две группы: первая – композиты, образованные по модели N + -чок (*өөдежок* ‘бестолковый’, *саваажок* ‘шаловой’ и др.); вторая – прямые заимствования, адаптированные фонетически (монг. *мэлхий* ‘глупый’ → тув. *мелегей* ‘глупый, глупец’, п.-монг. *жолиг/золиг* ‘выкуп; черт, злой дух (бран)’ → тув. *чолук* ‘негодяй, подлец’). На материале встречается уникальная черта тюркских языков – это способность к особому виду омонимии прилагательных (Adj) и наречий (Adv^{Int}), прилагательных (Adj) и качественно-оценочных существительных (N^{Qual}). Это когда одно и то же слово может иметь различные функции в зависимости от контекста предложения.

Ключевые слова: тувинский язык, заимствование, монгольский язык, композит, семантика, экспрессия, экспрессивные слова.

Главное богатство языка – его словарный запас, который обогащается и путем заимствования из других языков, и путем активации уже существующих средств: аффиксации, сложения слов и изменения границ семантики существующих лексем.

Рассматриваются экспрессивные слова, заимствованные из монгольского языка, преимущественно разговорного употребления, но используемые и в художественной литературе.

Экспрессией называют совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения, отношения говорящего к содержанию или адресату речи (ЛЭС, 1990: 591).

Вопросам, касающимся лексики, ее функционирования в тюркских языках, а также заимствованиям из монгольского языка посвящены работы: Татаринцев, 1976, 1987; Рассадина, 1980, 2008; Дамбаа, 2005; Тюттешева, 2006; Khabtagaeva, 2009; Добринина, 2012; Тыбыкова, 2015 и др.

При определении семантической сущности экспрессивного слова мы следуем за Н. А. Лукьяновой, которая его компонентами считает *эмотивность* (эмоции говорящего лица), *эмотивную оценку* (субъективное мнение, оценка предмета речи), *образность* (воплощенный в значении слова психический образ) и *интенсивность* (отраженное в сознании и закрепленное в значении представление о высокой степени проявления действия, явления, признака предмета, лица) (Лукьянова, 2015: 187–196). Все эти коннотативные компоненты присутствуют в рассматриваемых единицах.

Актуальность исследования определяется тем, что ранее экспрессивный фонд в тувинском языке не был предметом специального изучения, не рассматривался также вопрос происхождения его элементов, сфера функционирования, и структура слов.

Монголы являются ближними соседями тувинцев на протяжении многих веков. Языковые и этнические связи тюркоязычного населения Тувы с носителями древних монгольских диалектов существовали еще во времена тюркских каганатов (VI–VIII вв.) (ИТ, 2001: 65–78). Высказывается также мнение о проникновении в Туву монгольских кочевников XI–XIV вв., которые заселяли районы Восточных Саян и восточной части хребта Танну-Ола. В конце 50-х гг. XVIII в. тувинцы попали под власть Маньчжурской (Циньской) династии, длившейся до 1912 г. Некоторые районы Тувы были подчинены монгольским феодалам (Сердобов, 1971: 206).

Функцию письменного языка у тувинцев некоторое время выполнял старописьменный монгольский язык, на котором велось делопроизводство и выпускались некоторые газеты, но литературным письменным он не стал, так как «Старописьменным монгольским языком к концу 20-х годов владело менее 1,5% тувинского населения. Монгольской грамотой владела, главным образом, феодально-байская верхушка и высшие ламы. Большинство тувинцев не знают монгольского языка, «...за исключением жителей некоторых местностей юго-восточной, прилегающей к Монголии части Тувы, где до сих пор сохранилось тувинско-монгольское двуязычие» (Арагачи, 1964: 325–326). Однако тувинский язык испытал на себе большое монгольское влияние, особенно это касается лексики. Так, тувинцы имеют в лексике свыше 2300 слов (Рассадин, 2008: 194), заимствованных из монгольского языка, которые обстоятельно исследовали В. И. Рассадина, Б. И. Татаринцев, О. В. Дамбаа, В. Khabtagaeva.

В нашей выборке насчитывается всего 72 экспрессивных лексем монгольского происхождения, которые мы делим на 2 группы: слова, образованные по словообразовательной модели N + -чок и прямые заимствования.

1-я группа: лексемы, построенные по словообразовательной модели: N + -чок, которые мы определяем, как композиты. «В тувинском языке наблюдается своеобразное освоение монгольских сочетаний знаменательных слов с отрицательной частицей *-гуй* с заменой её на отрицательную частицу *чок* ‘нет’, с сохранением значения знаменательного слова. Таким путем монгольское *урамгуй* ‘подавленный (о настроении)’ → тув. *ырымчок* ‘подавленный, мрачный, обессиленный’; *магадгуй* ‘возможно’ → тув. *магатчок* ‘очень, возможно, вероятно’ и др.» (Рассадин 1980: 61).

Ш. Ч. Сат писал: «Интересны случаи употребления словообразующего элемента *-чок* ‘нет’ в сочетании с другими словами: *хөлчок / хөлчек* ‘очень’ (< *хөл* ‘мера, объем’ + *-чок*) и др. Слово *чок* превращается в словообразующий элемент *-чок / -жок*, который можно считать или аффиксом словообразования, или аффиксом именного отрицания. Процесс формирования словообразующего элемента *чок* еще не завершен» (Сат, 1973: 191).

М. И. Черемисина определила слово *чок* как синтетический и аналитический словообразующий аффикс (Черемисина, 1996: 19).

О. В. Дамбаа в своей диссертационной работе «Лексические средства отрицания в тувинском языке в сопоставлении с южносибирскими тюркскими, монгольским и древнетюркским языками» писала: «В тувинском языке отсутствует привативный аффикс =*сыз*, распространенный и весьма активный во всех остальных тюркских языках, включая древнетюркский язык. В тувинском языке *чок*, выполняя функцию исчезнувшего =*сыз*, обнаруживает способность к стяжению с предшествующим словом и, таким образом, переход в разряд аффиксов» (Дамбаа, 2005: 87). Автор называет слова типа *кемчок* ‘безвредный, добрый’, *ялымчок* ‘не достойный внимания, неважный, несерьезный’ полукальками из монгольского языка (Дамбаа, 2005: 94, 111).

В рамках своего исследования при определении *-чок*, мы принимаем точку зрения авторов, которые определяют его как словообразующий аффикс.

В нашем исследовании насчитывается 32 лексемы монгольского происхождения, образованных по этой модели: *аргажок* ‘совсем, слабый’, *дуржок* ‘нахальный, наглый, грубый, жестокий человек’, *ёзужок* ‘безаконный, беспринципный, безобразный’, *ёзажок* ‘плохой, никчемный, никудышный’, *ёражок* ‘плохой, никудышный’, *магатчок* ‘очень, возможно, вероятно’, *медээжок* ‘очень сильно’, *ойлукчок* ‘бесхарактерный, неразумный, бестолковый’, *опчок* ‘шальной, дурной’, *өөдежок* ‘плохой, никудышный, никчемный’, *хамаанчок* ‘безразличный, равнодушный’, *харыкчок* ‘неважный, бессильный’, *херээжок* ‘негодница, женщина (баба)’, *саваажок* ‘дурной, шальной, наглый’, *туражок* ‘нехотя, без желания, неохотно’, *ырымчок* ‘подавленный, мрачный, обессиленный’, *эргежок* ‘очень, совсем’, *эпчок* ‘неудобно’, *ялымчок* ‘не достойный внимания, неважный, несерьезный’, *ыятчок* ‘бесстыжий’, *угжок* ‘дурной, очень, невпопад’, *кемчок* ‘безвредный, добрый’. Образ множества: *эмгежок* ‘очень

много' (синонимы этого слова в значении 'много': *санчок, хөлчок, эмге-тикчок, эмгежок, оранчок, оңчок, муңчок, медээжок, аажок*). Все они имеют коннотативные семы *эмотивности, эмотивной оценки, образности и интенсивности*. Из данного списка отдельную группу формируют слова, функционирующие и как прилагательные (Adj), и как наречия-интенсификаторы (Adv^{Int}), и как качественно-оценочные существительные (N^{Quol}) в зависимости от контекста. Такую особенность тюркского имени в тюркологии называют особым видом омонимии, который создается в результате конверсии «Часто одно и то же слово, обладая различными значениями, может фигурировать в качестве разных частей речи, проявляя их грамматические свойства. К такому виду омонимов относится довольно многочисленная группа слов, употребляемых в речи, с одной стороны, для обозначения присущих предмету или действию качеств как предметов...» (ГТЯ, 1961: 179).

аргажок

1. очень, весьма, совсем. 2. слабый, хилый, ничтожный... 6. очень ослабевший человек... (ТСТЯ, 2003, 150).

аргажок = Adj

(1) *Бо аргажок амытанны канчап эдертип алыр бис* (Из сказки)

бо	аргажок	амытан=ны	канчап	эдер=т=ип	ал=ыр	бис
этот	слабый	существо=ACC	как	брать собой=CV ₁	брать=PrP/3Pl	мы

'Как мы возьмем собой это слабое (ничтожное) существо'

аргажок = Adv^{Int}

(2) *Чамдыкта көөрге, аргажок элбер-самдар чүве кедип алган чоруур болгай сен.* (Танова, 2008, 60)

чамдыкта	кө=өр=ге	аргажок	элбер-самдар	чүве
иногда	смотреть=PrP=DAT	совсем	старый-рваный	вещь
кед=ип	ал=ган	чор=уур	бол=гай	сен
надеть=CV ₁	брать=PP	идти=PrP/2Sg	быть=COND	ты

'Иногда, посмотришь на тебя, идешь, надев совсем рваные старые вещи.'

аргажок = N^{Quol}

(3) *Аргажокту аргалап, удугуже шуглаан эдип, кажан эрлик алырыл деп бодап ордум* (И-1 об умирающей, больной дочери)

аргажок =ту	аргала=п	уду=гуже	шугла=а=н
слабый человек =ACC	утешать=CV ₁	спать=CV ₄	покрывало=POSS/3Sg=ACC
эд=ип	кажан	эрлик	ал=ыр=ыл
править=CV ₁	когда	владыка подземного царства	брать=PrP=PASS/3
де=п	бода=п	ор=ду=м	
сказать=CV ₁	думать=CV ₁	сидеть=PAST ₁ =1Sg	

'Утешая бедняжку, поправляя ей одеяло, до тех пор, пока не заснет, думала, когда же её забереет владыка подземного царства'

В этом списке есть слова с утраченной семантикой корня: *дүржок* 'нахальный, наглый, грубый, жестокий', *ёзажок* 'плохой, никчемный, никудышный', *ойлукчок* 'бесхарактерный, неразумный, бестолковый', *өөдежок* 'плохой, никудышный, никчемный', *саваажок* 'дурной, шальной, наглый', *ялымчок* 'не достойный внимания, неважный, несерьезный'. У этих лексем (*дүр, ёза, ойлук, өөде, саваа, ялым*) в современном тувинском языке нет самостоятельного значения без элемента *-чок*, однако, здесь реализуется та же словообразовательная модель.

өөдежок

1. плохой, никудышный, никчемный; 2. плохо (ТСТЯ, 2011, 512).

Мы выделяем и другие значения, которые не отмечены в словаре: 'очень, совсем' как наречие-интенсификатор; 'никудышный человек' как качественно-оценочное существительное.

Данное слово образуется от лексемы *өөдэ-* (самостоятельно не употребляется) путем прибавления словообразовательного аффикса *-чок* ‘непригодный, никудышный’ (ср. монг. *өөдэгүй* со значениями ‘бестолковый, неспособный’; ‘никчемный, скверный, дрянной, подлый’ (БАМРС 2001: III, 31).

өөдежок = Adj

(4) *Чоп кончуг өөдежок ашак боор!* (Сүрүң-оол, 27)

чоп	кончуг	өөдежок	ашак	бо=ор
что за	такой	никудышный	мужик=NOM	быть=PrP/3Sg

‘Что за никудышный мужик!’

өөдежок = Adv^{Int}

(5) **Өөдежок** мелегей чүве, мени өрге-күскеге дөмейлеп, будук-биле соп алыр бодадың бе? (Танова, 196)

өөдежок	мелегей	чүве	ме=ни	өрге-күске=ге	дөмейл=еп
совсем	глупый	вещь	я=ACC	суслик-мышь=DAT	сравнивать=CV ₁
будук-биле	со=п	ал=ыр	бода=ды=ң		бе
ветка=INSTR	бить=CV ₁	братъ=PrP/3Sg	думать=PAST1=2Sg		что ли

‘Ты совсем глупый, подумав, что я какой-то грызун, надумал побить меня плетью что-ли?’ (недооцениваешь меня, глупый человек)

өөдежок = N^{Qual}

(6) *Ол өөдежокту эдерткен ыдым дээр бе, дергилээн хойум дээр бе, чүге эдerti берген сен? – деп авазы оглун кончаан* (И-2)

ол өөдежок =ту	эдерт=кен	ыд=ым	дэ=эр	бе	
это безнадега=ACC	братъ с собой=PP	собака=POSS/1Sg	говорить=PrP/3Sg	что ли	
дергилэ=эн	хой=ум	дэ=эр	бе	чүге	
навьючить=PP	баран=POSS/1Sg	говорить=PrP/3Sg	что ли	зачем	
эдер=т=и		бер=ген	сен	де=п	
братъ с собой=CAUS=CV ₂		дать=PP	ты	говорить=CV ₁	мама=POSS/3Sg
огл=у=н	конча=ан				
сын=POSS/3Sg=ACC	ругать=PP/3Sg				

‘Этого **никудышного**, разве назовешь собакой на поводу, или навьюченным бараном, зачем его взял собой? – ругала мать своего сына.’

Корневой компонент остальных лексем имеет самостоятельное значение, которое отрицается словообразовательным аффиксом *-чок*. Так, например, *тоожок* ‘безнадежный’ (*тоо-* от глагола *тоор* ‘обращать внимание’ + *-чок* – ‘не обращающий внимание, безнадежный’ ср. монг. *тоогүй* ‘ничтожный, не пользующийся авторитетом, доверием, неавторитетный’ (БАМРС, 2001: III, 226); *туражок* ‘безвольный’ (*тура* ‘желание, хотение, воля’ + *-чок* – ‘без желания, без хотения, безвольный’ ср. монг. *дургүй* ‘нежелание, неохота, нелюбовь’ (БАМРС, 2001: II, 73)); *хамаанчок* ‘безразличный, равнодушный’ (*хамаан* ‘отношение, касательство’ + *-чок* ‘без отношения, без касательства’ ср. *хамаагүй* ‘не имеющий отношения, безразличный, бесшабашный и др.’ (БАМРС, 2002: IV, 32)); *энчок* ‘неудобный, неловкий’ (*эн* ‘согласие, мир, лад’ + *-чок* ‘без согласия, без мира, без лада’ ср. монг. *эвгүй* ‘недружный, несогласный, неудобный, неприятный’ (БАМРС, 2002: IV, 390)); *эргежок* ‘насущенный, злободневный, актуальный’ (*эрге* ‘право, распоряжение’ + *-чок* ‘без права, без распоряжения’ ср. монг. *эрхгүй* ‘не имеющий права, бесправный’ (БАМРС, 2002: IV, 432) и др. Все эти композиты могут выступать также как лексема *аргажок* в роли: Adj, Adv^{Int}, N^{Qual}, рассмотренная на примерах 1, 2, 3.

В данном ряду выделяется лексема *херээжок* со значением ‘негодница, женщина (баба)’. В тувинском языке есть также лексема *херек чок* / *херекчок* ‘не нужный’.

Слово *херээжок* ‘негодница’ использовалось для названия женщины низкого социального уровня и как нейтральное слово, и как ругательно-бранное слово. Слово образовано от *херек* +=и аффикс принадлежности 3 лица + *-чок* букв. ‘ее нужды нет’, т.е. ‘в ней нужды нет’

(ср. монг. *херэггүй* 1. ‘незачем, не нужно, не надо, нет необходимости, не требуется’; 2. ‘непригодный, негодный, ненужный’ (БАМРС, 2002: IV, 223)). Встречается в художественной литературе посвященной описанию жизни до Октябрьской революции.

херээжок = N^{Quol}

(7) *Бо кандыг кончуг дүржок херээжогул! Мону моон ырадыңар! – деп, Хүндүпей алгыра-дыр* (ТЛА, 164)

Бо	кандыг	кончуг	дүржок	херээжог=ул	мо=ну
Это	какой	что за	наглый	негодница=это	она=АСС
моон		ырады=ңар	де=п	Хүндүпей	алгыр=а-дыр
отсюда		отдалять=ІМР/ЗРІ	сказать=СV ₁	Хундупей	кричать=СV ₂ -PTCL

‘Это что за такая **негодница!** Уберите ее отсюда! – сказав, крикнул Хундупей.’

Эта лексема может использоваться в нейтральном значении и употребляться по отношению к женщине в качестве обращения, или так могла говорить женщина о самой себе с оттенком самоуничижения.

херээжок = N

(8) *Мен болза өл-чаш ажы-төлдүг, бөгун-даарта божуур четкен, иштиг-сааттыг херээжок-тур мен* (ИБ, АК, 168)

мен	бол=за	өл-чаш	ажы-тол=дуг	бөгун-даарта
я	быть=COND	мокрый-маленький	дети=POSSV	сегодня-завтра
божу=ур	чет=кен	иштиг-сааттыг	херээжок-тур	мен
рожать=PrP/3Sg	доходить=PP	беременная	женщина-PTCL	я

‘Я **женщина** с маленькими детьми, беременная, которая не сегодня-завтра родит.’

После революции, когда права женщины были приравнены к правам мужчин, *херээжок* ‘негодница, женщина (баба)’ стало употребляться только в отрицательном значении и в современном языке используется как ругательно-бранное слово. Для нейтрального названия женщины терминологическая комиссия республики Тува искусственно создало слово *херээ* < *херек=и* ‘нужно’+ *жен* (основа русского слова **женщина**) в результате появилось новое слово *херээжен*, буквально переводится ‘женщины необходимость’, означающее ‘женщина, хранительница очага’.

В группе композитов эмотивная семантика часто имеет негативный характер, т.к. словообразующий аффикс *-чок* отрицает качество, представленное в первом компоненте.

2-ю группу составляют прямые заимствования, адаптированные лишь фонетически: «все монгольские заимствования уже полностью адаптированы фонетической системой тувинского языка и произносятся по законам тувинского языка. Монгольские согласные претерпели определенные модификации, например, ч → ш, ц → ч, ш (ср. х.-монг. *чавганц* ‘старушка’ тув. *шываганчы*), с → з (ср. монг. *дайысун* ‘враг’ тув. *дайзын*), ио → уу (ср. монг. *солио* ‘слабоумный’ тув. *солуу*)» (Рассадин, 1980: 61).

В своей выборке прямых заимствований с экспрессивным значением мы насчитываем 40 единиц, которые делятся на две группы в зависимости от их функции в предложении.

Первая группа – это прилагательные, которые также могут быть качественно-оценочными существительными: *авыяс* ‘двуличный, лицемерный’, *адааргак* ‘завистливый’, *калчаа* ‘бешенный; крайне наглый, разнузданный’, *кайгал* ‘удалой, лихой, смелый’, *куурумчу* ‘ненавистный, презренный’, *күжүр* ‘милый; жалкий, несчастный’, *мелегей* ‘глупый’, *мугулай* ‘тупой, бестолковый’, *мирит* ‘идиотский, глупый’, *солуу* ‘психически ненормальный, умалишенный’, *тенек* ‘балованный, шаловливый, озорной’, *хөөкүй* ‘бедный, жалкий’, *черлик* ‘дикий’, *эргим* ‘дорогой, милый’.

мугулай = Adj

(9) *Мугулай мал-даа болза, кижиге өөренип каар чүве-дир ийин...* (Танова, 96)

мугулай	мал-даа	бол=за	кижи=ге	өөрен=ип
бестолковый	животное-PTCL	быть=COND	человек=DAT	учить=СV ₁

знающему ничего человеку – дурачине. Имеется также лексема *медээжок* ‘очень, сильно’, производная от той же лексемы *мэдэхгүй* ‘не знающий’. В употреблении этого слова нет половозрастных ограничений.

(13) *Ооң билир, шыдаар чүвези бар эвес, анаа мөдүхөө-дир ийин бо!* (И-2)

оо=ң	бил=ир	шыда=ар	чүве=зи	бар	эвес
он=POSS/3Sg	знать=PrP	уметь=PrP	вещь=POSS/3Sg	есть	не
анаа	мөдүхөө-дир	ийин	бо		
PTCL	дурачина-PTCL	PTCL	это		

‘Он разве вообще хоть что-то знает, умеет, дурачина такой!’

Среди качественно-оценочных существительных девять лексем являются *метафорическими экспрессивами*. Семантически преобразовываются названия животных, мифических существ, и ряд слов другой семантики для употребления по отношению к человеку с целью охарактеризовать те или иные его качества. Это следующие единицы: *амытан* ‘живое существо’ → по отношению к человеку, *амырга-моос* ‘чудовище’ → по отношению к человеку, *дагаа* ‘курица’ → о глупом человеке, *даңгына* ‘царевна’ → о красивой девушке, *дайзын* ‘враг’ → ‘чужой, злой, хитрый человек’, *көжээ* ‘каменная баба’ → к медлительному неповоротливому человеку, *тик* ‘ноль’ → ‘ничего не понимающий человек, полный невежда’, *шулбус* ‘дьявол’ → ‘плохой человек’, *шуваганчы* ‘старуха’ → ‘сварливая старуха’. Во всех лексемах последней группы преобладает компонент *образности*; компоненты *эмотивности*, *эмотивной оценки* и *интенсивности* также присутствуют.

Таким образом, долгое соседство двух разных народов с одинаковой культурой и бытом, с языками, типологически сходными, но входящими в разные семьи, дало внушительное количество заимствований в лексике тувинского языка, которое не раз отмечали авторы по данной проблеме. В работе Б. И. Татаринцева из нашего списка найдено 22 лексемы (1976); В. И. Рассадина 9 слов (1980, 2008); О. В. Дамбаа 28 композитов (2005) и у Б. Хаптагаевой найдено 9 экспрессивных лексем (2009). Наша работа лишней раз подтверждает монгольское языковое влияние на тувинскую лексику, которое также проявилось в составе экспрессивного (выразительного) фонда тувинской лексики.

Рассмотренные экспрессивные лексемы в количестве 72 единиц составляют 30% из всего выявленного экспрессивного фонда (около 200 единиц) тувинского языка. Все эти лексемы попали в нашу выборку по наличию коннотативных компонентов в семантике: *эмотивности*, *эмотивной оценки*, *образности* и *интенсивности*, доминирующих в разных вариациях в рассматриваемых лексемах.

Список литературы

- Арагачи З. Б. Тес-Хемский говор // УЗ ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1964. – Вып. XI. – С. 325–326.
- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. – М.: Academia, 2001. – Т. I, II, III; 2002. – Т. IV.
- ГТЯ – Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 470 с.
- Дамбаа О. В. Лексические средства отрицания в тувинском языке в сопоставлении с южносибирскими тюркскими, монгольским и древнетюркским языками // Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005. – 172 с.
- Добринина А. А. Прилагательные современного алтайского языка, обозначающие черты характера человека (в сопоставительном аспекте): Монография. – Новосибирск, 2012. – 214 с.
- ИТ – История Тувы в 2-х т. – Т. 1. / Под общ. ред. С. И. Ванштейна, М. Х. Маннай-оола. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Наука, 2001.
- Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. – Т. 14, вып. 9: Филология. С. – 183–201.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 р.
- Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в Сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 114 с.

- Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков [Текст] / В.И. Рассадина. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. – 243 с.
- Сам Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. – Кызыл, 1973.
- Сердобов Н. А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971.
- Татаринцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. – Кызыл: Тув. книжное издательство, 1976. – 130 с.
- Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. – М.: Наука, 1987. – 197 с.
- Тыбыкова Л. Н. – Специфика зооморфных образов *pötyk* ‘петух’ и *такаа* ‘курица’ в алтайском языке // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. – Т. 14, вып. 9: Филология. – С. 235–240.
- Тюттешева Е. В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). – Новосибирск, 2006. – 225 с.
- ТСТЯ – Толковый словарь тувинского языка / Под ред. Д. А. Монгуша. Т. II: К–С. – Новосибирск: Наука, 2011. – 798 с.
- Черемисина М. И. Аналитические способы выражения отсутствия и отрицания в тюркских языках Южной Сибири. – Новосибирск, 1996. – Вып. 3. – С. 3–40.
- Bayarmaa Khabtagaeva Mongolic Elements in Tuvan. Harrassowitz Verlag. – Wiesbaden. 2009. – 341 с.

Список условных обозначений источников

- И-1 – Информант 1: Ондар Светлана Самбуевна (1956 г.р.), западный диалект.
- И-2 – Информант 2: Донгак Венера Седип-ооловна (1963 г.р.), южный диалект.
- ИБ, АК – Иргит Бадыраа «Арзылан кудерек». – Кызыл, 1996.
- СС, АД – Степан Сарыг-оол «Алдан дургун». – Кызыл, 1987.
- ТЛА – Тыва литератураның антропологиязы. – Кызыл, 1984.
- Танова – Е. Танова Кара бай. – Кызыл, 2008.
- Сүрүң-оол – С. Сүрүң-оол Ногаан Ортулук. – Кызыл, 1986.

Список условных сокращений

Adj – имя прилагательное; **Adv^{Int}** – наречие-интенсификатор; **ACC** – винительный падеж; **N** – имя существительное; **N^{Qual}** – качественно-оценочное имя существительное; **CAUS** – понудительный залог; **COND** – форма условного наклонения; **CV₁** – форма соединительного деепричастия на =*n*; **CV₂** – форма слитного деепричастия на =*a*; **CV₃** – форма деепричастия прошедшего времени на =*аш*; **CV₄** – форма деепричастия предела =*ыже*; **DAT** – дательный падеж; **IMP** – повелительное наклонение; **INSTR** – инструментальный падеж; **NOM** – основной падеж; **PAST₁** – форма прошедшего времени на =*ды*; **PASS** – страдательный залог; **PI** – множественное число; **POSS** – possessивный аффикс; **POSSV** – форма обладания; **PTCL** – частица; **PP** – форма причастия прошедшего времени на =*ган*; **PrP** – форма причастия будущего времени на =*ар*; **Sg** – единственное число.

Анна Э. К., аспирант.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева 8, Новосибирск, Россия, 630090.

E-mail: eannaj@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20.08.2016

Annaj E. K.

EXPRESSIVE WORDS FROM MONGOLIAN IN THE MODERN TUVAN LANGUAGE

We consider the 72 Tuvan expressive words of Mongolian origin. According to the word formation pattern the words are divided into two groups: 1) the composites formed by the model N + -chok (*өөдөжөк* ‘stupid’, *саваажок* ‘crazy’, etc.); 2) direct loanwords adapted phonetically (mong. *мэлхий* ‘stupid’ → тув. *мелегей* ‘stupid’, mong. *жолуг* / *золиг* ‘ransom, hell, an evil spirit (swearword)’ → тув. *чолук* ‘scoundrel’). We find the unique feature of the Turkic languages which is the homonymy of adjective (Adj) and adverbs (Adv^{Int}), adjective (Adj) and expressive nouns (N^{Qual}). The loanwords can have different functions depending on the context of a sentence.

Key words: *Tuvan language, loanwords, Mongolian language, composite, semantics, expression, expressive words.*

References

- Aragachi Z. B. Tes-Hemskij govor [Dialect of Tes-Khem] // UZ TNIIYALI. – Kyzyl, 1964. – Vol. XI. – S. 325–326. (in Russian)
- BAMRS – Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Mongolic-Russian large academic dictionary] / pod red. G. C. Pyurbeeva. – M.: Academia, 2001. – T. I, II, III; 2002. – T. IV. (in Russian)
- GTYA – Iskhakov F. G., Pal'mbah A. A. Grammatika tuvinskogo yazyka. [Grammar of Tuvan] M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1961. – 470 p. (in Russian)
- Dambaa O. V. Leksicheskie sredstva otricaniya v tuvinskom yazyke v sopostavlenii s yuzhnosibirskimi tyurkskimi, mongol'skim i drevnetyurkskim yazykami [Lexical means of negation in the Tuvan language in comparison with the South Siberian Turkic, Mongolian and old Turkic languages] // Dis. ...kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2005. – 172 p. (in Russian)
- Dobrinina A. A. Prilagatel'nye sovremennogo altajskogo yazyka, oboznachayushchie cherty haraktera cheloveka (v sopostavitel'nom aspekte) [Adjectives modern Altai language indicating traits of a person (in comparative aspect)]: Monografiya. – Novosibirsk, 2012. – 214 p. (in Russian)
- IT – Istoriya Tuvy v 2-h t. –T. 1. [History of Tuva] / Pod obshch. Red. S. I. Vanshtejna, M. H. Mannaj-oola. – 2-e izd., pererab. i dop. – Novosibirsk: Nauka, 2001. (in Russian)
- Luk'yanova N. A. Expressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v semanticheskom aspekte. [Expressive vocabulary of colloquial use in the semantic aspect] // Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, Filologiya. – 2015. – T. 14, – Vol. 9: Filologiya. 2015. – Pp. 183–201. (in Russian)
- LES – Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'. [Linguistic Encyclopedic Dictionary] – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1990. – 685 p. (in Russian)
- Rassadin V. I. Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v Sibirskih tyurkskih yazykah. [Mongol-Buryat loan-words in Siberian Turkic languages]. – M.: Nauka, 1980. – 114 p. (in Russian)
- Rassadin V. I. Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoj yazykovoj obshhnosti. Chast' II. Mongol'skoe vliyanie na leksiku tyurkskikh yazykov [Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian linguistic community. Part II. The Mongol influence on the vocabulary of the Turkic languages] [Tekst] / V. I. Rassadin. – Elista: Izd-vo Kalm. un-ta, 2008. – 243 p. (in Russian)
- Sat Sh. Ch. Formirovanie i razvitie tuvinskogo nacional'nogo literaturnogo yazyka. [Formation and development of Tuvan national literary language]. – Kyzyl, 1973. – 196 p. (in Russian)
- Serdobov N. A. Istoriya formirovaniya tuvinskoj natsii. [The history of Tuvan nation]. – Kyzyl, 1971. (in Russian)
- Tatarincev B. I. Mongol'skoe yazykovoe vliyanie na tuvinskuyu leksiku. [Mongolian language influence on the Tuvan language]. – Kyzyl: Tuv. knizhnoe izdatel'stvo, 1976. – 130 p. (in Russian)
- Tatarincev B. I. Smyslovye svyazi i otnosheniya slov v tuvinskom yazyke. [Semantic connections and relationships of words in the Tuvan language]. – M.: Nauka, 1987. – 197 p. (in Russian)
- Tybykova L. N. – Specifika zoomorfnyh obrazov pot'yt'k 'petuh' i takaa 'kurica' v altajskom yazyke [Specific traits of animalistic images pot'yt'k 'cock' and takaa 'hen' in the Altai language] // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya. – 2015. – T. 14, Vol. 9: Filologiya. – Pp. 235–240. (in Russian)
- Tyunteshcheva E. V. Chelovek i ego mir v zerkale frazeologii (na materiale tyurkskih yazykov Sibiri, kazahskogo i kirgizskogo) [Man and his world in the mirror on the material phraseology of Turkic languages of Siberia, Kazakh and Kyrgyz]. – Novosibirsk, 2006. – 225 p. (in Russian)
- TSTYA – Tolkovyj slovar' tuvinskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Tuvan language] / Pod redakciej D. A. Mon-gusha. T. II: K–S. – Novosibirsk: Nauka, 2011. – 798 p. (in Russian)
- Cheremisina M. I. Analiticheskie sposoby vyrazheniya otsutstviya i otricaniya v tyurkskih yazykah Yuzhnoj Sibiri. [Analytical methods for the expression of absence and denial in the Turkic languages of Southern Siberia]. – Novosibirsk, 1996. – Vol. 3. – Pp. 3–40. (in Russian)
- Khabtagaeva B. Mongolic Elements in Tuvan. Harrassowitz Verlag. – Wiesbaden. 2009. – 341 p.

Annaj E. K., graduate student.

Institute of Philology Siberian of Branch of Russian Academy of Science.

St. Nikolaeva, 8, Novosibirsk, Russian Federation, 630090.

E-mail: eannaj@mail.ru